

Ельцова Елена Власовна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ КОМИ ПИСАТЕЛЯ В. Т. ЧИСТАЛЕВА

Статья посвящена анализу художественных особенностей Верхне-Човского дневника коми писателя, одного из основоположников коми литературы советского периода В. Т. Чисталева (1890-1939), репрессированного в 1937 г. В работе впервые рассматривается автодокументальный текст - тюремный дневник писателя - как способ художественной литературы, основными свойствами которого являются ярко выраженный авторский стиль, лиризм, эмоциональность, интертекстуальность, ритмизация прозаического текста, частое использование тропов и стилистических фигур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 32-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.511.132-1

Статья посвящена анализу художественных особенностей Верхне-Човского дневника коми писателя, одного из основоположников коми литературы советского периода В. Т. Чисталева (1890-1939), репрессированного в 1937 г. В работе впервые рассматривается автодокументальный текст – тюремный дневник писателя – как способ художественной литературы, основными свойствами которого являются ярко выраженный авторский стиль, лиризм, эмоциональность, интертекстуальность, ритмизация прозаического текста, частое использование тропов и стилистических фигур.

Ключевые слова и фразы: тюремный дневник писателя; автодокументальный текст; художественность; интертекстуальность; лиризм; ритмизованная проза.

Ельцова Елена Власовна, к. филол. н.

*Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра
Уральского отделения Российской академии наук
elena.eltsova@mail.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ КОМИ ПИСАТЕЛЯ В. Т. ЧИСТАЛЕВА

*Работа выполнена в рамках проекта комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-14
«Коми литература: опыт художественного развития в связях с классическим наследием».*

27 ноября 1937 г. поэт, один из основоположников коми литературы советского периода, учитель Чисталев Вениамин Тимофеевич (Тима Вень) (1890-1939) был арестован органами НКВД Коми АССР по обвинению в контрреволюционной и буржуазно-националистической деятельности на литературном фронте, направленной против партии и Советской власти [7, с. 173], и отправлен из с. Помоздино сначала в тюрьму с. Усть-Кулом, затем в тюрьму г. Сыктывкара и оттуда – в Верхне-Човскую ИТК. С момента ареста и по день смерти 13 октября 1939 г. им было написано и отправлено родственникам восемнадцать писем. А со времени прибытия в колонию, с марта по конец августа 1939 г., В. Чисталевым велся дневник на коми языке: это блокнот, состоящий из ста с лишним страниц, после смерти писателя переданный его жене и детям в Помоздино [3, с. 318]. Через пятьдесят лет после смерти автора, в 1990 г., отредактированные фрагменты дневника были опубликованы в литературно-художественном журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), и еще через десять лет, в 2000 г., в книге «Эжва йывса колип» («Соловей с верховьев Вычегды»), составителем которой стал поэт В. Г. Лодыгин. Избранные места из тюремных писем и дневника писателя в переводе на русский язык опубликованы М. Д. Игнатовым в мартирологе «Покаяние» (1999) под общим названием «Написаны кровью и слезами...».

В истории коми литературы наиболее известны несколько дневников: это дневник коми промышленника и общественного деятеля В. Н. Латкина под названием «Дневник Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах», опубликованный в «Записках русского географического общества» в 1853 г. и расценивающийся исследователями как «этапный момент возникновения литературной традиции у коми» [5, с. 136]; дневник краеведа, фольклориста А. А. Цембера, создававшийся в 1904-1916 гг.; а также «Дневные записки Ивана Степановича Рассыхаева», коми крестьянина, одного из деятелей коми книжной культуры XX в. Верхне-Човский дневник В. Чисталева является уникальным в своем роде произведением: это единственный тюремный дневник коми писателя, чудом сохранившийся и переданный родственникам незадолго до смерти автора.

Дневник В. Чисталева, являясь историческим документом, представляет бесспорный исследовательский интерес: этот автодокументальный текст – едва ли не единственный ценный источник и последнее сохранившееся документальное свидетельство жизни писателя, биографических сведений о нем в этот период, свидетельство очевидца исторических событий и художественный документ [4, с. 179]. Его историко-литературное значение в том, что автор дневника – профессиональный писатель, подходивший к созданию дневниковых записей как к тексту особого типа. Многие фрагменты дневника написаны В. Чисталевым по законам литературно-художественного произведения, благодаря чему весь дневник, особенно его опубликованные части, можно отнести к жанру художественной литературы. Во многих своих отрывках он является продолжением творчества писателя – его последним произведением, представляющим материал для изучения мировоззрения поэта, его художественно-эстетических взглядов, а также для научных комментариев к различным его произведениям. К тому же неоспоримо теоретико-литературное значение Верхне-Човского дневника как образца данного жанра – тюремного дневника писателя.

Установка дневникового текста на художественность связана, прежде всего, с профессиональной деятельностью его автора – поэта и прозаика В. Чисталева, а также с мотивами, побудившими его вести дневник. Кроме личного пользования, создания памятных записок о настоящем для будущего, кроме желания фиксировать даты и события, отмечать свои самые сокровенные мысли и чувства для последующей их передачи кругу близких людей (жене и детям), а также и потомкам, как он пишет, «на память своим детям, чтоб читали» (*здесь и далее перевод подстрочный с языка коми наш – Е. Е.*) [10, с. 71], В. Чисталев даже в застенках испытывал непреодолимую потребность в художественном творчестве, и об этом свидетельствует уже первая недатированная запись на четвертой странице дневника. Это размышления автора о собственном литературном

творчестве, выражение желания жить и писать даже здесь, в неволе, ради творчества, литературы: «Соскучился по карандашу-бумаге, до боли в сердце хочется записывать-отмечать все вокруг себя, о жизни дома, вспоминать о детских годах; хочется написать историю своего села, материалы о котором я давно уже начал собирать. И еще есть желание писать, как когда-то восклицал сам: “Всем сердцем, силой каждой струны своей жизнь чувствовать-трепетать”... Надо жить, жить еще, ради творчества. Как мало, мало мной еще было сделано, только еще опыта набрался, но работа прервалась...» [9, с. 3]. Этот и подобные ему фрагменты дневника проникнуты глубоким эмоциональным переживанием, экспрессией, лиризмом. Их художественная сила возрастает за счет трагического чувства невозможности жить и творить дома, на свободе.

Надеясь на скорое освобождение, В. Чисталев планировал некоторые части своих дневниковых записей как основу для будущих произведений, создавал их как своего рода потенциальный предтекст. Таковы, к примеру, предварительные заготовки в виде воспоминаний для повести «Дзюлядырся» («Из детства») от 5 мая 1939 г., а также запись о намерении начать «Историческую хронику моей деревни» от 22 июня 1939 г.

Кроме того, в текст Верхне-Човского дневника автором включены несколько стихотворений, черновых набросков и фрагментов стихотворных произведений, написанных им в колонии, – последние поэтические произведения В. Чисталева: «Воканлы батьяньыс» («Вокану от отца», 1939), «Кёк пö тайö кёкö» («Говорят, это кукушка кукует», 1939), «Аръявыв» («Предосеннее», 1939), черновые наброски «Детина кыз пу керыштис» («Парень березу подрубил», 1939), «Пушкинлөн вёлма няня...» («У Пушкина была няня», 1939), а также наиболее известное и завершённое стихотворение «Прощай да видза ов» («Прощай и здравствуй»), написанное 15 мая 1939 г. Еще одно стихотворение В. Чисталева, написанное им в неволе, – «Кёрт таска öшиня керкаын пукала ме» («В доме с решетками на окнах я сижу», 1939) – было отправлено в Помоздино письмом. Их основные мотивы – тоска по вольной, свободной жизни, по родным местам, близким людям; мотив проходящей мимо тюремных окон жизни; а также прощание с родными людьми и родным селом и неумирающая надежда на освобождение и счастливую жизнь в будущем. Почти все они пронизаны единой эмоцией, раскрывающей внутренние душевные переживания поэта в критический момент его жизни, его душевный надрыв и отчаяние. И, хотя дневник занял кратчайший промежуток времени в творческой эволюции В. Чисталева, он стал значимой вехой в творческом наследии писателя – его итоговым произведением.

В дневник включены не только новые, написанные уже в тюрьме, стихи, но часто упоминаются и ранее созданные произведения: в том числе стихотворения «Тувсов вой» («Весенняя ночь», 1920), «Йёз муын» («На чужбине», 1922), «Шонди петигён, олём кусигён» («На восходе солнца, когда угасает жизнь», 1923). Стихотворение «Йёз муын», созданное в 1923 г. по мотивам произведения русского поэта К. К. Романова «Растворил я окно, – стало грустно невмочь...» [8, с. 113], в записях дневника становится воспоминанием, его фрагменты преобразованы в прозаический текст. Здесь оно стало выражением печальных, горестных раздумий поэта в неволе: «Тихо. Издалека, из-за реки, слышится пение птиц. Среди них выделяется голос овсянки... Раскрыл я окно. Стало грустно, очень тоскливо... упал я на колени, рыдая, опустил на локти... Вспомнилось мне мое стихотворение... Кукушки больше не слышно, лишь дважды слышал ее кукованье...» [10, с. 67].

В отношении объекта изображения Верхне-Човский дневник В. Чисталева относится к типу интровертивных: автором он зачастую ориентирован на внутренний мир, субъективное переживание фактов душевной жизни. Поэтому стиль его зачастую интимен, а речь автора «проникнута глубоким доверием к адресату, к его сочувствию – к чуткости и благожелательности его ответного понимания» [1, с. 203]. В этой атмосфере глубокого доверия автор раскрывает свои внутренние глубины: этим и определяется особая экспрессивность и внутренняя откровенность произведения. Дневниковые записи писателя во многом представляют собой переплетение снов о родном доме и о прошлом, воспоминаний о прежней жизни, лирических отступлений, размышлений и переживаний автора. В дневнике много философских размышлений о скоротечности времени, о его трагической безвозвратности. Такова запись от 18 июня 1939 г.: «Уже восемнадцатое июня. Как быстро проходит время! Никогда уже не придет, не вернется этот день снова. Никогда... И так пройдет жизнь день за днем, минута за минутой... Очень ветрено сегодня. Поднялся сильный северо-восточный ветер. Что несет он мне с собой? Что? Не домой ли зовет меня, на родину? С силой бьется-бросается. Печалится ли, рыдает ли обо мне? А, может, наоборот, шумит-радуется? Кто знает, чего ищет он» [10, с. 64]. Или запись от 9 июля 1939 г.: «День-ночь проходят, время дальше все идет и идет... Никогда уже этот день, вчерашний день не повторится в моей жизни, завтрашний день еще буду ждать, а что прошло, уже никогда не вернешь...» [Там же, с. 66]. Таковы и лирические отступления, встречающиеся в тексте дневника. Они эмоциональны, а в контексте дальнейшей судьбы В. Чисталева – трагичны: «Вечер. Куда убежало счастье мое и талант?! Счастье и жизнь моя – в родном селе, на родимой земле» [Там же, с. 68].

Несмотря на то, что жанр классического дневника предполагает последовательность регулярных записей, отражающих события дня в конкретном месте и в определенные часы, хронотоп Верхне-Човского дневника более разнообразен: автором в него включены также воспоминания о прошлом, сны. Во многих своих фрагментах дневник В. Чисталева – это дневник воспоминаний. Их большая часть воссоздает, по контрасту с настоящим, прошлую жизнь. Обусловлено это тем, что в тюрьме, вдали от родных мест и родных людей, светлые, радостные воспоминания о прошлом становятся для автора единственной связующей нитью с родиной, а в тексте дневника – немногими светлыми картинками. Об этом свидетельствует и запись в дневнике от 9 июля 1939 г.: «Еще не все умерло внутри, еще не совсем разорвалась связь с миром – природу и детство, как и прежде, чувствую» [Там же, с. 66]. Так, основные воспоминания, встречающиеся в тексте дневника, – это воспоминания автора о детстве (о рыбалке, о половодье 1902 г.) и о детях, воспоминание о рождении сына Вокана (1934 г.), о лете 1926 г., а также воспоминания, связанные с литературной деятельностью

поэта: о его поездке в 1934 г. в качестве делегата на I Всесоюзный съезд советских писателей в Москву, о смерти М. Горького в 1936 г.: «Сидел и думал я, как всего два года назад слушал его мягкий голос, и в руке, как у живого, чувствую твердое пожатие Алексея Максимовича, когда на прощальном вечере 1 сентября собирались мы все – участники Всемирного съезда революционных писателей... Прощай, наш учитель, великий писатель Алексей Максимович» [Там же, с. 64].

Большую роль в дневнике В. Чисталева играют лирические отступления и пейзажные зарисовки. Нередко они напрямую связаны с художественным творчеством писателя, являясь отрывками и цитатами из ранее созданных произведений. Например: «Арся йи зэрбн моз лолалё ывла» [Там же, с. 65] (Словно осенним ледяным дождем дышит природа), «Лун вöли кымöра, зэрис кодззд зэрбн» [Там же] (День был пасмурным, лил холодный дождь).

Пейзажные зарисовки всегда непосредственно связаны с размышлениями и чувствами автора. Картины природы созвучны его чувствам, переживаниям: в таких местах очень явственно чувствуется, что Верхне-Човский дневник – это предсмертное произведение писателя, исполненное чувством утраты самого дорогого в жизни, «предчувствием трагического расставания с родиной» и с жизнью [Там же, с. 29]. Как и большая часть всего творчества В. Чисталева, такие отрывки часто написаны ритмизованной прозой. Отмечая, что ритмизованная проза – один из признаков ранних дневников В. А. Жуковского, О. Г. Егоров пишет, что «поэтические вкрапления в эпически развивающийся сюжет служат своего рода лирическими отступлениями в драматически напряженном развитии действия» [2, с. 16-17]. По силе эмоционального воздействия и художественным особенностям ритмизованные фрагменты дневника В. Чисталева, среди которых – лирические воспоминания-описания природы родной земли, эмоционально насыщенные лирические отступления, обращения к родным людям, семье, природе, можно напрямую отнести к стихотворениям в прозе. Такова, к примеру, запись от 5 июля 1939 г.: «Был вечер... Опустилось уже небесное солнце. На северо-востоке играл свет зари: пониже сквозь облака переливался красивейшим ярким цветом малиновой воды, повыше – талым светлым золотом полыхала раскаленная заря... Внизу над зелеными верхушками деревьев стояла черная шель... Печалью и радостью сердце полно...» [10, с. 66].

В тексте Верхне-Човского дневника В. Чисталева встречаются и иные записи литературного содержания: это упоминания о творчестве и цитаты из произведений других писателей – Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, К. К. Романова, М. Горького, Н. С. Лескова, А. П. Чехова, А. П. Библика, С. Цвейга, что определяет историко-литературное значение дневника, являющегося материалом для изучения мировоззрения поэта, его художественно-эстетических взглядов, а дневнику придает характер интертекстуальности. Несмотря на тяжелые тюремные условия и работу, смертельную болезнь, подавленное душевное состояние – «приходится жизнь-время проживать через силу, ничего не поделаешь, и от этого уже противно – ничто не трогает, ничто не вдохновляет – неохота становится жить» [Там же], – в колонии В. Чисталев продолжал много читать (иногда и вслух, для слушателей-сокамерников), размышлять о литературе, судьбах писателей, книгах. Среди наиболее цитируемых и упоминаемых им в дневнике произведений – «Дневник писателя за 1877 г.» Достоевского, «Черновые наброски и критика» Пушкина, «Мертвые души» Гоголя, «Завещание» Шевченко, «Человек», «Дети Пармы» Горького, «На краю света» Лескова, «Борьба с безумием: Гельдерлин, Клейст, Ницше» Цвейга. Их основными темами являются тема литературы и творчества, вопросы литературоведения и истории Коми края, тема человеческой памяти, родины и родной земли, тема счастья, тема приближающейся смерти. Особенно часто встречаются цитаты на тему детства, родины, свободы, счастья. Такова цитата из трактата Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» о счастье: «Одно из первых и всеми признаваемых условий счастья есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человека с природой, т.е. жизнь под открытым небом, при свете солнца, при свежем воздухе, общении с землей, растениями, животными. Всегда все люди считали лишение этого большим несчастьем. Особенно чувствуют это лишение заключенные» [9, с. 9]. Одной из последних записей в дневнике В. Чисталева, датированных 21 августа 1939 г., является прощание с жизнью и цитата из А. С. Пушкина, его любимого поэта: «Так хочется, так сильно желание жить на вольном свете. “О, други! Не хочу я умирать!” – так я восклицаю словами Пушкина. Все радостнее и радостнее кажется природа, все милее и милее жизнь на земле “на закате дней”» [10, с. 70].

Таким образом, Верхне-Човский дневник В. Чисталева – это не только документальный, но и значимый литературный памятник, произведение, которому коми писатель отдал последние месяцы своей жизни. Кроме фактов биографии в дневнике присутствует и его творчество, ярко выраженный авторский, художественный стиль. Дневник связан с поэтическим и прозаическим творчеством В. Чисталева и при этом имеет самостоятельную ценность, поскольку включает в себя новые оригинальные произведения, их черновики и фрагменты. Как жанр литературы, писательский дневник В. Чисталева имеет свойственные этому жанру особенности: фрагментарность, нелинейность, частое нарушение причинно-следственных связей, склонность к авторефлексии, смешение документального факта и художественного стиля, незавершенность отдельных частей. Но, кроме этого, он имеет также признаки и свойства художественного произведения: это оригинальные художественные произведения, включенные в текст дневника, лирические отступления, философские размышления, пейзажные зарисовки, а также ритмизация прозаического текста и использование тропов и стилистических фигур, интертекстуальность.

Кроме того, в заключение необходимо сказать, что полная рукопись Верхне-Човского дневника и его опубликованный вариант во многом отличаются друг от друга, поскольку опубликованы только избранные фрагменты записей, которые к тому же не во всех случаях адекватно расшифрованы. Их изучение и научное издание является актуальной задачей современного литературоведения.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч.: в 7-ми т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159-206.
2. Егоров О. Дневники русских писателей XIX века: исследование. М.: Флинта; Наука, 2002. 288 с.
3. Игнатов М. Д. Написаны кровью и слезами... // Покаяние: коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 1999. Т. 2. Ч. 1. С. 316-336.
4. Левин С., Погорельская Е. «Во время кампании я написал дневник...»: пространственно-временные координаты в «Конармии» и конармейском дневнике Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 166-203.
5. Лимерова В. А. «Прошу снисхождения к нескладному, может быть, рассказу моему...»: о «Дневнике Василия Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах» // Арт. 2007. № 1. С. 125-136.
6. Остапова Е. В. Ритмичность природы и ритм человека в лирике Вениамина Чисталева // Остапова Е. В. Поэтика ритма лирики коми 1920-1930-х гг. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001. С. 21-34.
7. Полещиков В. М. За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 272 с.
8. Романов К. К. Избранное: стихотворения, переводы, драма. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.
9. Чисталев В. Т. Вылыс Човса дневникысь // Войвыв кодзув. 1990. № 8. С. 3-10.
10. Чисталев В. Т. Вылыс Човса дневникысь // Войвыв кодзув. 1990. № 9. С. 63-71.

LITERARY PECULIARITIES OF THE DIARY PROSE OF THE KOMI WRITER V. T. CHISTALEV

El'tsova Elena Vlasovna, Ph. D. in Philology

*Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
alena.eltsova@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of literary peculiarities of the Verkhne-Chovskii diary of the Komi writer and one of the founders of Komi literature of the Soviet period V. T. Chistalev (1890-1939) who was repressed in 1937. For the first time the paper considers the autocumentary text – a prison writer's diary – as a way of fiction literature, the main characteristics of which are the strongly pronounced author's style, lyricism, emotionality, intertextuality, rhythmization of a prose text, the frequent use of tropes and stylistic figures.

Key words and phrases: prison writer's diary; autocumentary text; artistry; intertextuality; lyricism; rhythm prose.

УДК 82.0:004.9

В статье рассматривается дисфункциональность электронного художественного текста как один из ключевых признаков электронных произведений в целом. Дисфункциональность, являясь важным аспектом осмысления структуры и семантики электронных нарративов в различных аспектах ее проявления (политический, игровой, эмпирический, казуальный), обуславливает структурную и семантическую специфику электронного художественного текста, а также влияет на характер его восприятия реципиентом. Аспекты дисфункциональности могут проявляться на любом уровне (информационные данные; способ активации; характер взаимодействия с реципиентом; интерфейс) структурной и семантической организации электронного художественного произведения.

Ключевые слова и фразы: глитч арт; дисфункциональность; электронный нарратив; ризоматический; интерфейс; анимация.

Кучина Светлана Анатольевна, к. филол. н., доцент
Новосибирский государственный технический университет
svkuchina@yandex.ru

**ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТЫ**

Дисфункциональность электронного нарратива проблематизирует круг вопросов, связанных с функциональностью и прозрачной семантической структурой электронного художественного произведения. Сбой в воспроизведении и восприятии электронного контента (эффект глитч/*glitch*) представляет собой своего рода напоминание читателям-пользователям электронной литературы о том, что любое воплощение образа в художественной реальности электронного нарратива и его восприятие реципиентом требуют воспроизведения используемого в произведении кода (программного, языкового) в режиме реального времени.

Впервые термин глитч (англ. *Glitch* – ошибка, цифровая помеха) был введен американским астрономом Дж. Гленном для описания неполадок во время полета в космос. В сферу искусства данный термин пришел в конце XX в. и обозначал направление экспериментальной музыки, которая строилась на аппаратных и акустических эффектах, обусловленных системными сбоями. Уже в начале XXI в. формируется целое направление глитч арт, главными выразительными средствами которого являются цифровые помехи и ошибки [2]. Все цифровые помехи (глитчи) можно условно разделить на два типа: адаптированные и намеренные.